

ЕЛЕНА АСАТУРОВА

У старого лагеря
страшные тайны

ФАНТОМЫ ЗАБЫТОГО ЛЕТА

Елена Владиславовна Асатулова
Фантомы забытого лета
Серия «Опасные тени
прошлого», книга 4
Серия «Сентиментальный
детектив Елены Асатуровой»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74138156
ISBN 978-5-04-250419-8

Аннотация

**У КАЖДОГО ЛЕТА ЕСТЬ ТАЙНА, КОТОРУЮ
НЕВОЗМОЖНО ЗАБЫТЬ**

Художник-реставратор Кира Демина получает необычный заказ: восстановить арт-объекты советских времен на территории бывшего пионерского лагеря «Озёрный».

Но старые скульптуры и мозаики помнят другую историю. Летом 1978 года здесь бесследно исчез отряд пионеров и их вожатый. Связано ли их исчезновение с серией нераскрытых убийств в наши дни?

Следователь Игорь Савельев и профайлер Инга Вольская уверены: фантомы забытого лета все еще здесь – и они

продолжают убивать. Кира, как всегда, оказывается в самом водовороте событий.

Кто заплатит за тайну последней смены?

Для читательниц, которым близки атмосферные детективы с тайнами прошлого, ностальгическим настроением и мягкой эмоциональной глубиной.

Содержание

Елена Асатурова	5
	7
	13
	21
	30
	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елена Асатунова

Фантомы забытого лета

© Асатунова Е., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Автор выражает благодарность консультантам, помогавшим в работе над рукописью: сотруднику ФСБ

России Анисимову Борису Исааковичу и адвокату
Асатурову Эдуарду Владимировичу

Пролог

2017 г.

Из окна гостиничного номера открывается вид на чужой ночной город. Сколько таких городов ему пришлось объехать за последнее время, и не сосчитать. Этот, пожалуй, был самым депрессивным из всех. Неказистые коробки домов, одно за другим гаснут подслеповатые окна. Запутанные узкие улочки, дворы-колодцы, взятые в плен приземистыми кирпичными гаражами. Торговые павильоны родом из девяностых, с облупившейся краской. Ветер колышет пыльные казенные занавески, прожженные в нескольких местах. Тонкий слой пыли лежит и на подоконнике. Весь город словно покрыт этой невесомой серой взвесью, от которой так трудно дышать.

«Странное место ты выбрал для жизни, Костя».

Ему хорошо видна площадка перед зданием напротив. Свет фонарей у входа отражается в мокром асфальте – наконец пошел дождь, прибывая вездесущую пыль и наполняя воздух подобием свежести. Полиция еще не разобрала ленту оцепления вокруг бездыханного тела, но зеваки почти все разошлись, не желая промокнуть. Представил его полет: словно лист, оторвавшийся от ветки. Падает без крика, исчезает в темноте. Кровь сливается по цвету с асфальтом, смешивается с дождевой водой и тонкими струйками течет под ноги судебному медику в нелепом белом комбинезоне...

Четвертый...

Кто-то не выключил мигалку на служебном уазике, и синие блики хаотично мечутся по ступеням, фасаду здания, лицам оперативников. Те нервно курят, тлеющие огоньки описывают круги и летят мимо урны. Тоже хочется закурить, хотя сигареты и алкоголь всегда были для него табу...

После очередной жертвы он понял: убивать – все равно что курить. Сначала противно, потом втягиваешься. Потом ловишь себя на том, что начинаешь любить ритуал: выбор места, времени, обстановки, точный расчет и тот момент, когда в глазах жертвы появляется понимание происходящего.

Так афисионадо – истинный ценитель табака – с почти-тельным любопытством открывает хьюмидор, бережно пере-

бирает сигары, оценивая их внешний вид: целостность оберточного листа, равномерность окраски, отсутствие трещин. Каждая деталь важна: как отборный табак, так и мастерство скрутки.

Убийца изучает свою цель с той же дотошностью: привычки, слабые места, маршруты. Ничто не должно быть упущено: ни расписание, ни окружение, ни возможные свидетели. Гурман подносит сигару к носу, вдыхает ее букет – земляные ноты, оттенки древесины, сладковатый отголосок ферментации. Сигары впитывают запахи, как вино. Он ищет тот самый, идеальный аромат, который обещает наслаждение.

Убийца тоже «принюхивается» – к страхам жертвы, к ее слабостям. Он улавливает запах уязвимости, как опытный охотник чует добычу.

Афисионадо прокатывает сигару между пальцами, проверяя упругость. Она не должна быть слишком сухой или, наоборот, влажной. Идеальная текстура – признак правильного хранения.

Убийца тоже «прощупывает» свою цель – ее реакции, болевые точки. Он ищет момент, когда сопротивление будет минимальным, а контроль – абсолютным.

И вот курильщик выбирает одну сигару, отрезает кончик, поджигает, делает первую затяжку. Если все сделано правильно, его ждет совершенство вкуса.

Убийца тоже совершает последний шаг – выжидает идеальный момент, наносит удар. Если расчет верен, его ждет

безупречное преступление.

Разница лишь в том, чем заканчивается ритуал.

Гурман наслаждается дымом, растягивая удовольствие. Убийца наслаждается тишиной, стирая следы...

Наблюдая, как санитары забирают тело, он нехотя усмехнулся.

«Ну вот ты и не удержался, Костик. А ведь ты всегда был неосторожен. Высокий этаж, шаткий подоконник... Странно, как даже умные люди забывают проверять, на что опираются».

Глубокий вздох, пальцы медленно разжимаются – только сейчас он осознает, как сильно впились ногти в ладони.

«Но тебя, Костя, я почти не почувствовал. В отличие от... Тани. Даже сейчас, через несколько лет, помню, как ее волосы темнели в воде, словно водоросли. Она была сильной – настоящая спортсменка, опытная пловчиха. Ее руки вспарывали речную гладь, будто лезвия. А я смотрел и ждал. Я мог бы спасти ее, не выстрелить транквилизатором или броситься в реку и вытащить на берег. Но Таня, как и ты, отказалась мне помочь. Она хотела все забыть, ты хотел докопаться до правды. Смешно, ведь правда – это лишние трупы...

Было ли мне жаль ее? Нет, скорее – любопытно. Я думал, можно ли это назвать болью. Так ли важно это – ее дыхание, превращающееся в пузыри, ладони, бьющие по воде. Она боролась, даже тогда, когда уже все поняла. Как и ты перед па-

дением. Но у Тани было другое выражение лица. Не страх даже, а удивление. Будто в последнее мгновение она осознала, что это я, тот, кому она доверяла. Но не успела спросить – зачем? Показалось даже, что она засмеялась. А я чувствовал, как ее тело потяжелело. Как река забрала то, что должно было принадлежать ей».

Прислонившись лбом к прохладному стеклу, он прикрывает глаза. Во рту неожиданно ощущается кисловатый вкус дешевой сигареты.

«С возрастом организм предает, – думает он, сглатывая. – А ведь я до сих пор иногда просыпаюсь и чувствую вкус той речной воды. Будто это я тогда утонул».

Где-то внизу завывает сирена. Дождь усиливается, вдалеке слышны глухие раскаты грома. Первая молния рассекает небо – резкая, как нож, ослепительно белая. Она не просто освещает город, она вгрызается в него, оставляя после себя запах озона и тревожное эхо. Он отходит от окна, аккуратно поправляет манжеты. На запястье мелькает татуировка: окруженный языками пламени круг, внутри него зигзаг, похожий на молнию. Точно такую, как та, что вспыхивает сейчас, – на этот раз багровая, будто небо истекает кровью. Ветер рвет листья с деревьев, швыряет их в стекла.

Не включая свет, он быстро собирает вещи, бросая в дорожную сумку. Гроза набирает силу. Молнии теперь коротко и яростно вспыхивают одна за другой, будто кто-то свыше

пытается что-то стереть, исправить. Но уже поздно.

«Я не испугался тогда. Не пожалел. Я понял, что убийство – это прикосновение. Ты кладешь руку на чью-то жизнь – и стираешь ее, как ошибку ластиком. А я должен исправить все ошибки».

Последняя молния – огромная, змеящаяся, прожигающая небо от края до края. На мгновение весь мир становится черно-белым, как старая фотография, на которой все они еще живы.

«Надо уходить. Простите меня, ребята».

Август 1978 г.

Ленинградская область

Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы – пионеры, дети рабочих.
Близится эра светлых годов,
Клич пионеров – «Всегда будь готов!»¹.

Каждое утро в пионерском лагере «Озерный» начиналось

¹ Советская пионерская песня, написанная в 1922 году поэтом Александром Жаровым и пианистом Сергеем Кайдан-Дешкиным. Песня стала гимном пионерской организации и оставалась таковой до ее расформирования в 1991 году. (Здесь и далее примечания автора.)

с бодрого марша, который гремел из всех динамиков. Как подушкой ни накрывайся, сон все равно не досмотреть. Потому что, кроме марша, громкий голос вожатого, стоящего в дверях, способен был разбудить мертвого. На подъем отводилось пятнадцать минут. Ребяшня, зевая спросонья, тащилась к умывальникам, перебросив через плечо казенные вафельные полотенца. Холодная вода, со звоном падающая в металлические поддоны, летящие во все стороны брызги – сон как рукой снимало.

Младшие отряды жили в деревянных корпусах – бараках, построенных лет двадцать назад. В каждом было по две большие спальни, для мальчиков и девочек, кроватей на двадцать, и две поменьше – для вожатых. В конце длинного коридора находились туалетные комнаты и кладовая, где хранились чемоданы. В самом коридоре вдоль стены располагались шкафчики для одежды и личных вещей пионеров. Мыться малышей раз в неделю водили в баню.

Эти корпуса стояли в глубине лагеря, затерявшись среди высоких берез и елей. Все называли их не иначе как старые дачи. На дачные домики их делали похожими открытые веранды с резными деревянными столбиками, где собирались всем отрядом для игр, подготовки к концертам и просто для разговоров. Лужайки вокруг старых дач заросли лопухами, иван-чаем и зверобоем, резедой и дикой мятой.

В середине семидесятых на территории, расширившейся в сторону большого лесного озера, выросли как грибы после

дождя двухэтажные кирпичные здания. Спальни на шесть-восемь человек располагались блоками по три комнаты, каждый – со своим туалетом и душевой. В новых корпусах размещались ребята постарше.

Центром лагерной жизни был большой трехэтажный корпус, с холлом, украшенным огромным, во всю стену, мозаичным панно со сценами пионерской жизни, настоящим киноконцертным залом, многочисленными классами для кружков. Перед ним находилась просторная площадь, посреди которой возвышался флагшток. Здесь проводились общие построения, с подъемом и спуском лагерного флага, и прочие торжественные мероприятия. Отсюда стартовала обязательная для каждой смены «Зарница», начиналось факельное шествие 22 июня, здесь награждали победителей конкурсов и соревнований. Площадь обрамляли пышные цветники, стенды с наглядной агитацией и несколько гипсовых скульптур пионеров-героев. Такие же скульптуры, изображавшие барабанщиков, горнистов, знаменосцев, украшали центральную аллею, которая протянулась от главного входа к площади.

Умывшись и натянув спортивную форму, одинаковую для мальчиков и девочек (темные трусы и белая футболка), все спешили на зарядку. За опоздание можно было схлопотать наказание – десять дополнительных отжиманий или тридцать приседаний. Малыши собирались на спортивной пло-

щадке рядом со старыми дачами, старшие отряды – на стадионе, который построили одновременно с новыми корпусами. Стадион был гордостью «Озерного» и предметом зависти окружающих пионерских лагерей, чьи команды приезжали сюда на соревнования.

Спортивный отряд, куда отбирали самых перспективных подростков от двенадцати до пятнадцати лет, размещался в крайнем доме, ближнем к озеру. Вокруг водоема была проложена грунтовая беговая дорожка, а на берегу оборудован пляж для водных процедур. Малыши довольствовались оголенной яркими буйками купальней на мелководе, а для пловцов постарше были размечены дорожки. На песке ждали своего часа несколько байдарок и лодок. Днем на вышке дежурил спасатель, грозно свистящий, если кто слишком расшалится или заплывет на глубину.

Лето выдалось жарким, солнце припекало с самого утра, и тянущиеся на зарядку ребята с завистью поглядывали на группу юных спортсменов, трусцой бегущих к озеру. У воды было куда приятнее, чем на разогретом стадионе.

Иван работал вожатым первый год. Когда-то он сам школьником приезжал отдыхать в «Озерный», а теперь, будучи студентом, решил подработать на каникулах. Ему достался беспокойный, но дружный пятый отряд, еще довольствовавшийся традиционными лагерными развлечениями: ночными вылазками с зубной пастой в соседнюю палату, свя-

зыванием брюк перед танцами и непременно страшными историями в тихий час.

Провожая взглядом ребят из спортивного отряда, Иван невольно вздохнул. Володька, их вожатый, приветливо помахал рукой. Везет ему, сейчас искупается в прохладной водичке, пока подопечные нарезают круги вокруг озера, в густой тени разросшихся вокруг деревьев. Третья смена подходила к концу, и каждый был не прочь напоследок отдохнуть и поплавать лишний часок...

После зарядки весь лагерь выстраивался на площади вокруг флагштока. Пионерский гимн теперь играл настоящий горнист, а дети дружно подпевали:

Радостным шагом с песней веселой
Мы выступаем за комсомолом.
Близится эра светлых годов.
Клич пионера – «Всегда будь готов!».

Флаг поднимал тот, кто накануне чем-нибудь отличился, например, был лучшим по уборке территории или на конкурсе чтецов. Командир отряда, победившего во вчерашнем конкурсе сатирических стенгазет, уже стоял у флагштока, готовясь выполнить свою важную миссию.

Пионеры нетерпеливо топтались на площади, предвкушая вкусный завтрак. Кормили в лагере отменно, и большинство детей возвращались домой с прибавкой в весе. Кроме

спортсменов, конечно, которые питались отдельно, по специальной диете.

Обычно утренняя церемония занимала не более десяти минут. Оглашали расписание занятий на день, награждали вчерашних героев, и, хором распевая пионерские песни, отряды бодро шагали в столовую. Однако сегодня вышла какая-то заминка: директор лагеря и старший пионервожатый о чем-то взволнованно переговаривались, горнист принимался снова играть бравурную мелодию, но команды к поднятию флага так и не последовало. Директор подозвал всех вожатых и без объяснений велел вести детей на завтрак, а потом занять их в кружках.

Пересчитывая своих подопечных, Иван заметил, что ни Володька, ни ребята-спортсмены его группы на построении так и не появились. Но в этом, в общем-то, не было ничего странного. Их отряд всегда держался особняком и жил по своему графику. Наверняка очередная внеурочная тренировка перед каким-нибудь соревнованием. Или сдают анализы, что тоже было обычным делом: за здоровьем детей-спортсменов следили специальный врач и медсестра в отдельном здании с вывеской «Медпункт-изолятор». Иван частенько выстраивал свой маршрут так, чтобы пройти мимо и через окно взглянуть на медсестричку Ирочку. И хотя все попытки пригласить ее на танцы или вечерние посиделки у костра до сих пор не увенчались успехом, он не терял надежды привлечь внимание красотки в белом халате. Не могла же

она отдавать предпочтение доктору, Натану Соломоновичу, этому сторбленному жердю с косматыми бровями в старомодном костюме? А может, у них шуры-муры с Володькой?

После завтрака жизнь пионерского лагеря потекла своим чередом: кто-то репетировал в зале перед концертом, кто-то шил мягкие игрушки или рисовал, занимался авиамоделированием или выжигал по дереву. Только поход на пляж и купание были отменены, а калитку, ведущую к озеру, заперли на большой замок.

К обеду приехали хмурые люди в милицейской форме и кинолог с собакой. В сопровождении директора, старшего пионервожатого и тренера Юрия Евгеньевича они прошли к озеру и задержались там до вечера. А к ужину по лагерю поползли слухи: пропала группа пионеров из спортивного отряда и их вожатый, Владимир Захаров.

Говорили, что их затянуло в омут во время купания и тела теперь ищут водолазы. Что они заблудились в лесу, куда отправились отрабатывать навыки ориентирования на местности, и стали добычей диких животных. Что где-то в окрестностях видели цыганский табор, а цыгане, как известно, воруют детей. Версий было много, одна неправдоподобнее другой...

Как бы то ни было, четверо мальчишек и четыре девочки в лагерь так и не вернулись. Вожатым велели на все вопросы отвечать, что группа срочно улетела на соревнования в одну

из республик Средней Азии, а милиция приехала, потому что местные жители жалуются на загрязнение озера. Через несколько дней разговоры поутихли, дети переключились на подготовку к традиционному прощальному костру, которым и завершились последняя смена и летний сезон 1978 года...

Март 2019 г.

Санкт-Петербург

Следственное управление

Специальный отдел

Полковник Лисняк, которого подчиненные звали между собой Лис, строго оглядел присутствующих в кабинете сотрудников. Хмурое, худощавое лицо начальника управления, глаза необычного янтарного цвета и щеточка густых

усов того же оттенка действительно делали его похожим на старого мудрого лиса.

– Итак, коллеги, в течение месяца вы все ознакомились со спецификой работы того отдела, в который вас отобрали, прошли необходимое тестирование, сдали нормативы по физподготовке. – Лисняк полистал лежащие перед ним бумаги и неожиданно улыбнулся. – Кстати, очень хорошо сдали, показали лучшие результаты по управлению. Но в первую очередь меня, как вашего начальника, интересует не меткость стрельбы и не время, за которое вы пробегаете стометровку. Ваши мозги, профессиональное чутье, умение мыслить неординарно – вот что главное! Надеюсь, это понятно.

Все согласно закивали, а полковник продолжал:

– Поэтому особое внимание я обратил на отчеты, которые вы подготовили после изучения вот этих дел. – Он выразительно похлопал по высокой стопке папок с документами на краю стола. – Анализ ваших выводов и стал последним аргументом в решении о том, кто останется работать со мной, а кто вернется на прежнее место службы.

В кабинете повисла напряженная тишина. Было слышно, как в оконной раме бьется проснувшаяся после зимы муха.

Лисняк взял список, еще раз просмотрел его, что-то черкнул ручкой и зачитал:

– В отдел специальных расследований зачислены майор Савельев, капитан Мартынов, капитан Петриченко, капи-

тан Шаталов, старший лейтенант Курочкин, лейтенант Вольская. Попрошу этих товарищей остаться. Майора Хаджиева ждут прямо сейчас на собеседование в военно-следственном управлении по Балтийскому флоту. А остальные могут получить необходимые документы в отделе кадров. Не огорчайтесь, я уверен, что вы отлично зарекомендуете себя на местах.

Пока не попавшие в список гремели стульями и прощались с полковником, шестеро счастливчиков радостно переглядывались и поздравляли друг друга. Попастъ в отдел специальных расследований было большой удачей, а работать под началом такого опытного сыщика, как Василий Иванович Лисняк, – удачей вдвойне.

– Пригласите ко мне полковника Дубинина, пожалуйста, – попросил Лисняк заглянувшую в кабинет секретаршу и взял в руки очередной документ. – А мы не будем терять время, коллеги. В нашем отделе уже есть две группы, каждая из которых занимается определенными категориями дел. Вашей группе предстоит одна из самых нелегких, но интересных задач: раскрывать старые дела и искать связь с новыми преступлениями.

– Висяки? – приуныл Герман, темноволосый балагур, слывший душой компании.

– Я, капитан Мартынов, предпочитаю термин «холодные дела», необычные, странные, специфические серии. В которых многое кажется совсем не тем, чем является на самом

деле. Но если у вас есть сомнения, еще не поздно догнать тех, кто ушел. – Василий Иванович и не думал шутить.

– Нет никаких сомнений, товарищ полковник, – бодро отрапортовал Герман, вскакивая с места. – Готов к любым поручениям.

– Другой разговор, капитан. Сядь, не мельтеши. Вот вам первое задание. – Лисняк отобрал несколько папок из отдельной стопки. – Около десяти нераскрытых дел, которые объединяют две детали. Все они похожи на несчастные случаи, за которые их и приняли «на земле»: утопление, падение из окна, неосторожное обращение с оружием. И у всех жертв одинаковые татуировки. Больше, казалось бы, ничего общего: разные регионы, мужчины, женщины, возраст от пятидесяти до шестидесяти лет. Никаких видимых пересечений. Изучайте документы, ищите аналогичные случаи. Через неделю жду ваши версии, план расследования. От вас, Вольская, соображения по профилям жертв и убийцы. Или убийц. И да, самое важное я упустил. Руководителем группы назначен майор Савельев Игорь Анатольевич. Вижу, что возражений ни у кого нет.

В кабинет опять заглянула секретарша, потом пропустила вперед немолодого, но энергичного, поджарого мужчину с офицерской выправкой.

– А вот и Георгий Петрович. – Лисняк поднялся навстречу гостю. – Думаю, вы уже поняли, зачем я пригласил полковника Дубинина. Лучшего специалиста по татуиров-

кам не найти. Но имейте в виду, он в Питере задержится всего на пару дней, чтобы помочь вам. Поэтому за работу!

Возбужденно переглядываясь, Савельев и его коллеги перешли вслед за полковником в просторный кабинет, выделенный для их группы. В центре стоял большой стол, на стене висела обычная школьная доска, на которую можно было опустить экран для проектора. Не теряя времени, Дубинин разложил на столе фотографии и, сверяясь с ними, нарисовал на доске татуировку, объединявшую всех жертв.

Круг, внутри пересеченный зигзагообразной молнией, в окружении языков пламени.

– Похоже на кольцо, через которое в цирке тигры прыгают, – шутливо заметил Герман Мартынов, вызвав смехи товарищей.

– А вы не смейтесь, ведь в наблюдении Мартынова есть здоровое зерно. – Полковник поправил очки и уже серьезно продолжил: – Мы с вами знаем, что раньше в криминальном мире татуировки были не случайны, содержали информацию о месте человека в иерархии, фактах биографии, принадлежности к группировке, роде преступной деятельности. Это были не просто рисунки, а целая система символов, по которым определяли срок, статью и даже отношение к тюремной администрации. Тюльпан на плече, например, показывал, что осужденный встретил свое совершеннолетие в ВТК, воспитательно-трудовой колонии. Голова мужчины на фоне

креста означала судимость за убийство, а погон, пронзенный кинжалом, наносили совершившие преступление против сотрудников милиции.

В кабинете стало тихо. Дубинин, облокотившись о подоконник и сложив руки на груди, объяснял:

– За неправильное изображение можно было серьезно поплатиться. Как и за неправильное поведение. Крысу наносили насильственно тем, кто воровал у своих. А нам, сыщикам, татуировки часто помогали в расследовании, и не только в идентификации преступников или жертв, но и в составлении психологического портрета ее носителя. Да-да, Вольская, профайлеров тогда не было, их роль мы выполняли сами. Сейчас ситуация изменилась, большая часть криминальных татуировок утратила первоначальный смысл. Многие наносят их элементы в декоративных целях, не понимая контекста. А какие-то из них приобретают новый, современный смысл.

Георгий Петрович Дубинин долгое время был единственным в стране экспертом в области криминальных татуировок и мог говорить о них бесконечно. Одной из любимых его историй был рассказ о нательных рисунках последнего императора России Николая, а также Петра I и членов королевской семьи Великобритании.

Но в нужный момент он умел сосредоточиться на главном.

– Мы будем исходить из того, что наши жертвы не имеют никакого отношения к преступному миру. В системе нет ни их отпечатков, ни других данных. Вряд ли одинаковая татуировка – простое украшение, не верю я в такие случайные совпадения. Значит, перед нами символ принадлежности к какой-то особенной группе, знак идентификации среди своих.

– Как у военных, например, – снова вставил Герман.

– Хорошее сравнение. И не лишнее смысла, – похвалил выскочку полковник, улыбаясь в прокуренные усы. – Разберем тату на элементы. Давайте, Вольская, помогите мне, я не силен в рисовании. И записывайте рядом все наши пояснения.

Инга тряхнула длинными платиновыми волосами и, с готовностью взяв мел, встала у доски. Чувствовалось, что девушка прекрасно знает, какое впечатление на мужчин производит ее внешность, но строгий взгляд карих глаз остужал их, возвращая к делу. Она как бы говорила: здесь я такой же специалист, как и вы, без гендерных различий.

Следуя указаниям Дубинина, она один за другим рисовала отдельные части татуировки. Мел слегка поскрипывал в ее тонких пальцах.

– Круг – символ бесконечности, цикличности и замкнутой системы, – рассуждал полковник. – В контексте группы может означать круговорот каких-то событий, испытаний или защитный барьер, например против внешних проявлений.

Вольская старательно изобразила молнию, а Дубинин обратил внимание на одну деталь:

– Молния расположена строго по центру круга и слегка выступает за него. Это главный элемент. Он может подчеркивать силу и взрывную энергию, скорость и стремительность. Или намекать на риск и опасность. Ваши версии, коллеги?

– Связь с высшими силами, – начал Слава Курочкин, самый молодой из всех. – Во многих культурах молния считалась атрибутом богов. Указывала на духовность, связь человека с божественным.

– А еще удар молнии способен все изменить в один миг, – заметила Инга. – Она может означать готовность к переменам, трансформации.

Полковник одобрительно кивнул:

– И последний элемент, огонь. Экстремальные условия, запредельные нагрузки. Или сильные эмоции, страсть? Что скажете?

– Разрушение преград. Возрождение. Очищение, – посыпалось со всех сторон.

– Отлично. А теперь попробуем соединить то, что у нас получилось.

– Рискну предположить, что все жертвы принадлежали к группе, прошедшей специальную подготовку, цель которой – некая трансформация, духовная или физическая, – высказал свое мнение Савельев. – Это закрытая программа, доступ к

которой был ограничен.

– Секта, что ли? – спросил Курочкин. – Типа саентологов?

– Это тоже нельзя исключать, – ответил полковник. – Тем более во многих сектах практикуется устранение отступников или проповедуются ритуальные самоубийства. Ищите эту точку пересечения. И не забывайте, что татуировка могла быть меткой, скрытым предупреждением об особенностях или опасности ее носителя.

Дубинин уже давно распрощался со всеми и вышел, а в кабинете не затихал гул голосов: члены следственной группы продолжали строить версии...

Кира

Март 2019 г.

Рыбинск

– Нинуль, ты когда-нибудь была в пионерском лагере? –
Зажав смартфон между ухом и плечом, Кира Демина в спешке вытаскивала из шкафа брюки, свитеры и футболки и кидала все это в распахнутый чемодан, стоявший прямо на кровати. – У Бориса какой-то совместный проект по восстановлению заброшенного лагеря. Его новый партнер, некий Хромов, купил недавно эту территорию на тендере. И вот с подачи Бориса он пригласил меня сделать план реконструкции и лично взяться за реставрацию важных арт-объектов. Пред-

ложение заманчиво во всех отношениях, но я совершенно ничего не смыслю в этой пионерской символике.

Нине Мельниковой, лучшей, а точнее единственной Кириной подруге, с трудом удалось вклиниться в бесконечный поток слов. Обычно сдержанная Кира становилась многословной в минуты явного волнения.

– Послушай, Кирюша, для начала присядь и глубоко подыши. – Нина, недавно ставшая мамой сразу троих детей беспокойного предшкольного возраста, хорошо владела секретами самоуспокоения и обретения душевной гармонии. – Я рада, что ты согласилась на новый заказ, это уже само по себе примечательно. А то после событий в Ладожске² и внезапного воскрешения из небытия Левандовского я стала переживать, сможешь ли ты вернуться к работе. Не ровен час человечество потеряет талантливого дизайнера и реставратора в твоём лице.

Кира с очередной кофточкой в руках опустилась в старинное, обтянутое гобеленом кресло у окна. Небольшой городок Рыбнинск, где она жила и работала последние три года, уже примерял весенние наряды из нежной бледно-зеленой листвы, бесстрашной мать-и-мачехи, веснушками разбросанной по газонам, и пушистых, с золотистым напылением, шариков вербы. Идея выезда в бывший пионерский ла-

² Об участии Киры в поимке маньяка в Ладожске рассказывается в книге «Проклятие покинутых душ».

герь, затерянный в лесах, где скоро появятся первоцветы, за ними проснутся ландыши и распухнет духмяная черемуха, казалась Кире заманчивой не только возможностью отдохнуть на природе, получив при этом щедрый гонорар, но и тем, что Борис будет рядом. Как соинвестор проекта, он хотел контролировать работы и не собирался надолго оставлять свою возлюбленную наедине с богатым и довольно привлекательным бизнесменом Сергеем Вячеславовичем Хромовым. Ревность к другим мужчинам Левандовский умело маскировал заботой и вниманием.

Забыв, что на другом конце Нина терпеливо ждет продолжения разговора, Кира погрузилась в воспоминания.

* * *

...Два года назад, реставрируя витражи в старинном костеле в Рыбнинске, она познакомилась с харизматичным Борисом, который выдавал себя за польского ученого-историка. Потомок бывшего ксендза, он искал церковные ценности, спрятанные прадедом после революции, и, как оказалось, использовал знакомство с Кирой для своих целей. Но вспыхнувший между ними скоропалительный роман завершился трагически. В стычке с конкурентами, также охотившимися за сокровищами, Борис закрыл собой Киру от смертельной пули. Его, впавшего в кому, перевезли на родину, в Польшу, откуда вскоре пришло печальное известие. О гибели возлюб-

ленного Кира узнала, выйдя из больницы, где перенесла еще одно потрясение: потерю ребенка, отцом которого был Левандовский. Она долго приходила в себя, и даже романтические отношения со следователем Игорем Савельевым, уже готовые завершиться свадьбой, не смогли затмить ту страсть, которая кружила ей голову в объятиях польского авантюриста.

И вот три месяца назад, когда она была уверена, что наконец справилась со всеми утратами, Борис возник из небытия, буквально свалившись ей на голову в предновогоднем заснеженном Ладожске.

История его «воскрешения» смутила бы кого-то другого, но не Киру, которая была в курсе аферы Левандовского с ценностями из костела. Со слов Бориса, его партнер, Влодек Шпетовский, разыграл историю с кончиной «выдающегося историка, погибшего ради спасения наследия польской католической церкви». Его имя даже присвоили кафедре зарубежной истории Рыбнинского университета. Тем самым Шпетовский избавил своего приятеля от возможных обвинений со стороны правоохранителей, а заодно и от объяснений с Кирой. Этот Влодек оказался мастером комбинаций не хуже Остапа Бендера: он прислал за ценностями подставного служителя церкви, разыграв целый спектакль. Борис же объяснял свое молчание опасением навредить Кире новым вмешательством в ее жизнь. Когда же у него возник бизнес-проект в России, он решил, что это судьба, знак свыше...

– Але, подруга, ты тут? – прокричала в трубку Нина. – Мы, кажется, говорили о пионерских лагерях.

– Ой, Ниночка, прости, я что-то задумалась...

– Так вот, эпоха пионерии закончилась тогда, когда мы с тобой родились. Поэтому здесь я тебе не помогу. Но наши родители наверняка помнят свое детство, по крайней мере, моя мама до сих пор хранит альбом с фотографиями и пионерский галстук с подписями друзей по отряду. Думаю, и мой благоверный сможет быть полезным, ведь он по работе часто бывает в современных детских лагерях. Кстати, ты мне подсказала хорошую идею. Надо поручить Аркаше достать для наших сорванцов путевки в летний лагерь. Пусть направит их кипучую энергию в нужное русло. Жаль, что твой заказчик еще не успеет восстановить свой объект.

– С его деньгами может и успеть. Только он не лагерь собирается там делать, а элитный загородный дом отдыха для богатой публики, ностальгирующей по временам СССР. Сейчас эта тема в тренде. Поэтому ему так важна советская атрибутика.

– О да, сейчас модны такие ролевые игры: будут дяденьки и тетеньки ходить в пионерских галстуках, петь песни у костра, бить в барабаны. И отстегивать за это немалые денежки. Похоже, твой бизнесмен не дурак, – философски заметила Нина. – Но больше всего меня беспокоит Борис. Мы с тобой договорились, что я ничего не спрашиваю о его неожидан-

ном воскрешении и возвращении. Но Левандовский и инвестиции, бизнес-проекты, еще и в России, – это звучит странно. Ты не боишься, что он втягивает тебя в очередную аферу?

– Во-первых, он считает, что инвестиционный климат в России сейчас очень привлекательный, – тоном телекомментатора парировала Кира. – Во-вторых, почему человек, имея средства, не может вложить их туда, куда хочет? Особенно если это позволяет ему быть рядом со мной? Он не предлагает мне стать соержанкой, а дает возможность заниматься любимым делом и при этом неплохо заработать. То есть ведет себя как настоящий любящий мужчина. Не стремится запереть меня дома, у плиты. Ой, прости, тебя это не касается.

– А я и не обижаюсь, – весело ответила Нина. – Мне нравится моя сегодняшняя жизнь, по принципу трех К³, и я хочу, чтобы ты своей тоже была довольна. Не просто безоглядно, как кошка, влюблена, а имела все, что делает тебя счастливой. Если Левандовский сумеет тебе это дать, я до конца жизни буду печь для него самый вкусный польский яблочник с меренгой. А на вашу свадьбу сделаю настоящий райгош.

– Так далеко мы пока не заглядываем. Но мне кажется, что сейчас я действительно счастлива. Борис всегда рядом, заботится обо мне, но не пытается ограничить мою свободу,

³ Kinder, Küche, Kirche (дети, кухня, церковь) – выражение, которое описывает социальную роль женщины в консервативной системе ценностей: заботиться о воспитании детей и домашнем очаге, соблюдать моральные принципы, которые провозглашает церковь, и быть чуткой женой и матерью.

в том числе свадебным кольцом. Когда он уезжает по делам в Польшу, то не звонит мне по несколько раз в день, чтобы проверить, где я, что делаю. Но присылает всякие милые эс-эмэски и картинки, чтобы просто напомнить о себе, своих чувствах. Если задерживается, мне приносят с курьером букеты и подарки, и это так мило.

Кира невольно заулыбалась, вспомнив последний сюрприз: корзинку съедобных цветов из зефира.

– Чувствую, ты таешь, как сосулька на припеке, – усмехнулась Нина. – Что ж, поживем – увидим, в конце концов, он спас тебе жизнь. И только за это я готова закрыть глаза на все его недостатки. Когда вы уезжаете?

– Да прямо сейчас. У Бориса с утра какие-то дела, обещал к полудню заехать за мной. А завтра у нас уже встреча с заказчиком. Поэтому срочно пакую чемоданы!

– Ты мне хоть координаты этого лагеря скинь на всякий случай.

– Боишься, со мной опять что-то случится? – Кира рассмеелась. Ее фантастическая способность ввязываться в криминальные истории уже стала притчей во языцех. За последние пару лет она трижды становилась участницей расследований, рискуя стать очередной жертвой преступников. – Обещаю присылать тебе отчеты, фотографии и держаться подальше от всего странного. Да и что может быть опасного в старом пионерском лагере? Разве что призрак пионера, который будет приходить ко мне по ночам!

Закончив разговор, Кира еще раз критически перебрала вещи, отбросив все легкомысленное, и аккуратно уложила их в небольшой чемодан. Отдельно в сумку упаковала рабочую одежду и привычный набор инструментов. В ожидании Бориса она открыла ноутбук и принялась штудировать все, что было написано про пионерские лагеря семидесятых-восемидесятых годов прошлого века, сохраняя особенно интересные статьи и фотографии в отдельную папку. Ей даже попался «Иллюстрированный каталог типовых проектов пионерских лагерей» за 1982 год, который сразу отправился в закладки.

В прихожей щелкнул замок, и Кира вскочила из-за стола навстречу Борису. Она доверяла ему настолько, что даже задала для него ключи от квартиры и мастерской. Но окончательно съехаться они не спешили, и Левандовский снимал номер в отеле. Кире было сложно впустить его туда, где еще недавно жил другой мужчина, чуть не ставший ее мужем. И где по-хозяйски разгуливал его одноглазый и бесхвостый кот – по Нельсону она скучала. Борис все понимал и не настаивал, не спешил «пометить территорию» и предоставлял Кире самой принимать решения. Тем более что он часто то уезжал по делам в другие города, то улетал в Польшу. Но каждый раз, когда он возвращался, они встречались, как после долгой разлуки. По крайней мере, Кире так казалось. Вот и сейчас Левандовский подхватил ее на руки, закружил и осыпал

поцелуями, потом осторожно, будто боясь разбить, поставил на пол и с улыбкой заглянул в глаза.

– Прости, moje kochanie⁴, задержался в банке, решал там некоторые неинтересные вопросы. Вижу, ты уже собралась? – Борис кивнул на чемодан и сумку. – Хромов прислал за нами машину с водителем. Если ты готова, можем ехать.

– А твой багаж? – Кира убрала ноутбук в рюкзак и накинула легкую курточку любимого сиреневого цвета.

– Собран и уже в машине. Не думаю, что на стройке мне понадобится смокинг. Так что путешествую налегке.

Он наклонился и ласково чмокнул Киру в нос. Она замерла на мгновение, вглядываясь в его лицо, как будто не веря, что он действительно здесь, рядом с ней.

– Всегда удивляюсь, почему женщины в любую поездку, хоть на три дня, хоть на месяц, берут столько вещей! – Левандовский засмеялся, подхватил ее чемодан и легко сбежал по ступенькам.

Кира, захлопнув дверь, устремила за ним. Поездка предстояла довольно долгая, но наедине с Борисом она готова была ехать сутки напролет.

Хромов не поскупился и прислал за ними модный комфортабельный внедорожник. Водитель, мужчина лет пятидесяти восточной внешности, был учтив и немногословен. Кира взглядом художника сразу выделила его темные брови

⁴ Моя любимая (польск.).

вразлет, густые усы и бородку, скрывавшие нижнюю часть лица. Интересный типаж, так и просится на холст.

– Я помощник Сергея Вячеславовича, – представился он, загрузив багаж в машину. – Устраивайтесь, если есть предпочтения по температуре в салоне, скажите мне, я настрою климат-контроль. Дорога займет около шести часов, мы сделаем две остановки, чтобы вы могли выйти и размяться. Для вас приготовлена вода в охлаждаемом боксе и термос с кофе. В багажнике есть корзина с ланчем, которую собрал наш повар. Сергей Вячеславович не доверяет придорожному фаст-фуду. А ужинать вы будете уже в «Озерном».

Выступив с речью безупречного стюарда, он сел за руль и замолчал, сосредоточившись на дороге. Время от времени он бросал внимательный взгляд в зеркало заднего вида. Но, встретившись с Кирой взглядом, отводил глаза.

– Представляю, какие требования у Хромова к тем, кто с ним работает, – взволнованно шепнула Кира, устраиваясь сзади рядом с Борисом. – Ты уверен, что я справлюсь с его заказом? На фоне этого вышколенного помощника я выгляжу студенткой-практиканткой.

– Не беспокойся, милая. Уверен, специалиста лучше тебя ему не найти. Как настоящий бизнесмен, он ценит качество и талант, а не стопки рекомендаций. Хотя и в этом у тебя нет недостатка. Моя протекция сыграла свою роль, но, прежде чем дать ответ, Хромов изучил твоё портфолио. И оно его удовлетворило.

Он легко сжал ее ладонь в знак поддержки.

Кира откинулась на спинку удобного кожаного сиденья, любуясь четким классическим профилем своего возлюбленного. Высокий, стройный брюнет с глазами цвета летнего неба и сексуальной родинкой на переносице, Левандовский привлекал внимание женщин всех возрастов, от молоденьких официанток в ресторанах, где они иногда ужинали, до старушек на лавочке у дома, которым он непременно делал комплименты. Кира не была чересчур ревнивой, но сейчас порадовалась, что на стройке у нее вряд ли найдутся конкурентки. Контингент там предполагался преимущественно мужской, так что пусть Борис волнуется, а не наоборот...

Дорога на Валдайскую возвышенность, где находился «Озерный», пролегла по живописной местности: сначала вдоль Волги до самого Мышкина, где их ждала паромная переправа, потом за окном замелькали леса и перелески, просыпающиеся после зимнего сна, поля с зеленою озимых, деревушки. Помощник Хромова сдержанно отвечал на вопросы о лагере, которыми его то и дело забрасывала Кира.

– Просто робот-информатор какой-то, – поделилась она с Борисом во время остановки. – Человек без эмоций, глаза как бездонные колодцы. И знаешь, я заметила у него под курткой кобуру. Он что, вооружен?

– Как я понял, он не просто помощник и водитель. А что-то типа его телохранителя. И оружие положено ему по ста-

тусу. Да и дорога через леса небезопасна.

– С таким телохранителем, как ты, мне ничего не страшно, – засмеялась Кира. – Но, если в «Озерном» надежная охрана, это успокаивает.

Перекусили они в районе Бежецка, похвалили повара, сумевшего обычным сэндвичам и закускам придать вид шедевра. Наступали сумерки, Кира устала и уснула на плече у Бориса.

Он разбудил ее, когда машина остановилась у ворот лагеря. Уже совсем стемнело, и Кира разглядела только металлические ворота с красными звездами, освещенные уличными фонарями, и ржавую арку с едва читаемым названием лагеря. Они въехали на территорию, попетляли немного по аллеям и остановились около двухэтажного кирпичного здания. В окнах горел свет, здание выглядело островком жизни и спокойствия на фоне тонущих во мраке, зловещих на вид заброшенных корпусов.

Они выгрузили багаж и прошли внутрь. Здесь все было вычищено, отремонтировано и напоминало недорогую провинциальную гостиницу. Даже ковровая дорожка на полу присутствовала. Не хватало только тетеньки-администратора за конторкой.

Помощник Хромова сам вручил им ключи от комнаты на первом этаже и тем же сухим тоном, словно читая инструкцию, проговорил:

– Сергей Вячеславович приедет завтра к десяти часам.

Ужин вам сейчас принесут. Завтрак будет накрыт в столовой, в конце коридора, с восьми утра. Все необходимое найдете в вашем номере. Этот корпус предназначен для специалистов, работающих на объекте, их комнаты в основном на втором этаже. Надеюсь, вас никто не потревожит, у нас строгий распорядок. Рабочие живут на другом конце лагеря, для них оборудована одна из старых дач.

– А господин Хромов здесь не останавливается? – полюбопытствовала Кира.

– Когда есть необходимость, Сергей Вячеславович ночует в коттедже рядом с главным корпусом. Я живу там же. Утром встретимся ровно в десять, и я вас провожу.

Он попрощался, но, сделав несколько шагов, обернулся и добавил:

– Мой совет – не ходите в темноте по территории. Освещение еще не везде восстановлено, можно споткнуться о строительный мусор или упасть в котлован. Некоторые объекты представляют опасность из-за аварийного состояния.

– Уверен, мы найдем более приятные занятия, чем ночные прогулки по стройке, – усмехнулся Борис, распахивая дверь и подталкивая Киру в комнату. – Спасибо вам за заботу и спокойной ночи.

– Я чувствую себя пионеркой, которую сослали в лагерь строгого режима! – воскликнула Кира. – Лет десять назад у нас был такой сериал с популярными актерами Безруковым и

Дюжевым⁵. Там бежавшие с зоны уголовник и бывший мент устраиваются работать водителями, и дети их перевоспитывают. Надеюсь, нас не заставят ходить строем и соблюдать распорядок дня? Меня как-то не прельщает коллективный завтрак с утра пораньше.

– Уверен, до этого не дойдет. Хромов на самом деле очень милый и обаятельный человек, что не мешает ему подбирать четко работающую команду. И, судя по всему, он весьма заботливый хозяин. – Левандовский обвел рукой предназначенное для них пространство.

Кира с любопытством осмотрелась. Борис был прав: его бизнес-партнер предусмотрел все необходимое. Помещение состояло из небольшой прихожей и двух смежных комнат. Одна представляла собой просторную гостиную с уютным диваном, обитым мягким велюром, парой кресел и удобным письменным столом напротив окна. На стене висел большой телевизор. В углу была оборудована кухонная зона со всем необходимым: кофеваркой, тостером, микроволновкой и холодильником, который, как и шкафчики, был заполнен продуктами. Кира по достоинству оценила и сдержанную цветовую гамму комнат, и широкую кровать в спальне, и туалетный столик с зеркалом. Ванная была также безупречна.

– Интересно, у остальных такие же хоромы? Или это только для избранных?

⁵ Имеется в виду российская комедийная драма 2009 года «Каникулы строгого режима».

– Я все-таки один из инвесторов этого проекта, – заметил Борис. – Поэтому могу рассчитывать на определенный комфорт. Кстати, Хромов предлагал нам поселиться в его коттедже, но я отказался.

– Почему же? – лукаво улыбнулась Кира.

– Не хочу, чтобы в мое отсутствие любимая девушка оставалась одна в компании чужих мужчин.

– Неужели ты ревнуешь?

– Просто хочу избежать неловких ситуаций и не испортить отношения с партнером. Мне важен этот проект. Но еще важнее ты, moja miłość⁶. – В волнении Борис часто переходил на родной язык. – Kocham Cię i kochać będę do ostatnich życia chwil⁷.

– Когда ты говоришь со мной на польском, то это так возбуждает, – тихо сказала Кира. – Давай не будем дожидаться ужина...

Вскоре свет в спальне погас, и казалось, только растущая луна заглядывает в окно через неплотно задернутые шторы, лаская призрачным светом сплетенные тела.

Ни Кира, ни Борис не заметили, как неслышно промелькнула чья-то тень, задержалась на секунду напротив темных окон и скрылась в глубине бывшего пионерского лагеря «Озерный»...

⁶ Любовь моя (польск.).

⁷ Я люблю тебя и буду любить до последних мгновений жизни (польск.).

Иван Никодимович

Март 2019 г.

Лагерь «Озерный»

Едва рассвело и погасли редкие фонари, освещавшие территорию в ночное время, дверь сторожки распахнулась и на пороге появился немолодой, но крепкий мужичок. Привычным движением он похлопал по карманам куртки, выудил пачку сигарет и зажигалку, закурил. Жадная первая затяжка и блеск в глазах выдавали заядлого курильщика. Колечки дыма смешивались с облачками его дыхания – утреннняя свежесть давала о себе знать. Ночные температуры еще были низкими, воздух прогревался ближе к полудню. Оттепель

оставляла лужи в углублениях асфальтовых дорожек, покрытых старыми трещинами и поросших мхом. Сторож докурил, бросил окурок в жестяную банку, гвоздем приколоченную к деревянным перилам, на мгновение скрылся в сторожке и сразу вернулся, прилаживая на голове кепку, из такого же камуфлированного материала, как и куртка.

Пора начинать утренний обход. Сторож Иван Никодимович был пунктуален и к обязанностям своим относился серьезно. Осмотр вверенной ему территории он начинал с въездных ворот, возле которых стояла его сторожка. Проверял сохранность замков, хотя кто бы проехал тут ночью? Никодимыч спал чутко, мимо него и муха не пролетела бы. К тому же по привычке он безо всякого будильника просыпался каждые два часа и выглядывал на улицу, осматриваясь и прислушиваясь. Но в ночные часы в лагере можно было услышать лишь скрип старых сосен, шорох веток и редкий лай собак в соседней деревне.

Правда, последние ночи его мучали кошмары. Вот и сегодня он встал часа в два и вышел на крыльцо. Всмотрелся в темноту. Фонарь у ворот покачивался, отбрасывая неровные полосы тусклого света. Ухо уловило звук: где-то недалеко прошелестели шаги. Пытаясь разглядеть, кому это не спится посреди ночи, сторож спустился по шатким ступенькам, но заметил лишь тень за кустами.

– Эй, кто там бродит? – крикнул Никодимыч.

Получилось хрипло и негромко. Прислушался – тишина.

Потом из-за кустов снова раздался шорох и визгливое мяуканье.

– Тьфу ты, ешкин кот! – Сторож в сердцах сплюнул. – Вот и весна пришла.

Вернулся в сторожку, для верности махнул рюмашку коньяка, всегда имевшегося в запасах, заел ломтиком подсушенного лимона и, завалившись на кровать, захрапел.

На рассвете все вокруг затихало, замирало. Тишина нарушалась лишь шелестом ветра в кронах сосен да редкими криками птиц. Никодимыч очень любил предутренние часы, чувствуя себя хозяином этих мест. Он обходил лагерь, каждый день меняя маршрут и фиксируя любые изменения. Вот кто-то из рабочих не убрал на ночь тачку, груженную песком, да еще и лопату рядом забыл. Сторож витиевато выругался, вытащил небольшой блокнот и сделал в нем пометку. Хромов требовал ежедневных отчетов, и Никодимыч, сверяясь с записями, докладывал хозяину или его помощнику обо всех непорядках. Как их будут устранять, какие меры последуют для нерадивых работников – не его это, сторожа, дело. Он двинулся дальше, отмечая пластиковую бутылку, брошенную мимо урны, сорванную ветром оградительную ленту вокруг глубокой траншеи с коммуникациями, подтекающий шланг: за ночь натекла изрядная лужа. Эх, влетит прорабу за недосмотр.

Сегодня Никодимыч внимательно всматривался в зарос-

ли кустарника вдоль дорожек, надеясь обнаружить хвостатых возмутителей спокойствия. Но так никого и не углядел.

Сторож обошел весь лагерь, задержался у задней калитки, ведущей к лесному озеру. Она закрывалась на засов, хорошо проржавевший и потому тугой – сдвинуть его было непросто. Калиткой практически не пользовались: рабочим было запрещено выходить за территорию. На прогулку к озеру ходил иногда сам хозяин в сопровождении помощника. Никодимыч краем уха слышал их разговоры, что участок вокруг озера надо расчистить и облагородить. Подумал тогда, что плохая у этого места репутация, люди там пропадали, но вряд ли эти старые истории понравятся новому владельцу «Озерного». Потому предпочитал держать язык за зубами...

* * *

Лагерь стал похож на лесопарк: высокие деревья и разросшиеся кустарники, которые много лет никто не стриг и не вырезал, захватили полную власть над территорией, хотя тропинки и дорожки были уже расчищены и пригодны для прогулок. Летом мощная растительность почти полностью скрывала постройки, но сейчас, когда листва еще только появлялась, здания неплохо просматривались с подъездных аллей. Поэтому Никодимыч сразу увидел, как из дверей отремонтированного двухэтажного корпуса выскользнула хрупкая женская фигурка в яркой курточке. Девушка зябко по-

ежилась, покрутила головой, заметила сторожа и быстрым шагом устремилась в его сторону. Деваться было некуда, и Никодимыч остановился на дороге, поджидая незнакомку.

– Доброе утро! Я Кира, реставратор и художник. – Она приветливо протянула узкую ладошку, и та утонула в мощной лапище сторожа.

Никодимыч слегка пожал руку девушки, хмыкнул и представился:

– Иван Никодимович, сторож. Охраняю, стало быть... А вы вчера вечером прибыли, я видел. Что-то раненько поднялись, у нас работы только после восьми часов начинаются. Не спалось на новом месте?

Иван удивился сам себе. Обычно он был молчалив, немногословен, а тут вдруг разговорился. Он снова достал сигарету, но, не решаясь закурить, вертел ее в грубых, заскорузлых пальцах.

– Что вы! Наоборот, спала как младенец. Тишина, свежий воздух. И не терпится здесь осмотреться перед встречей с Сергеем Владиславовичем. Может, вы мне все покажете, если не заняты?

– Да я как раз обход территории произвожу. – Сторож спрятал сигарету в карман куртки. – Пойдемте, составите мне компанию.

Девушка благодарно улыбнулась и пошла рядом, подстраиваясь под его шаг. Никодимыч изредка косился на нее, отмечая короткие, взъерошенные со сна волосы, отсутствие

макияжа на нежной коже, горящие неподдельным любопытством зеленые глаза. Он слышал от начальства, что приедет какой-то известный дизайнер реставрировать мозаики и всякие другие штуки, но не ожидал, что им окажется вот такая пигалица, которая выглядит явно моложе своих лет. Но раз Хромов выбрал ее, значит, она того стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.